

Русский военно-морской лазарет в Нагасаки, 1858–1906 гг. (исторический очерк по российским источникам)¹

Д. Б. Павлов

По мере роста присутствия России на Дальнем Востоке серьезное значение для ее мореплавания в водах Тихого океана приобрел японский город Нагасаки на юго-западном побережье острова Кюсю. Этот промежуточный порт на долгом пути из европейской России в ее восточноазиатские владения еще с XVI в. был обжит португальцами, а позже голландцами. Город, обладая обширной, глубокой и защищенной от ветров бухтой и развитой портовой инфраструктурой, во второй половине XIX в. по объемам внешнеторгового оборота устойчиво занимал в Японии одно из лидирующих мест. Заходя в Нагасаки, русские коммерческие корабли пополняли здесь запасы угля, пресной воды и продовольствия, ремонтировали судовые машины и механизмы, давали отдых команде. Не менее важен был этот порт и для русского военного флота. «Сознание необходимости иметь у нагасакского рейда для нужд и удобств плавающих у берегов Японии наших военных судов особо отведенное береговое место зародилось с первых же пор, как только наши суда стали посещать эту страну, – писал в 1886 г. адмирал А. А. Корнилов. – Еще в 1853 г., как это видно из общеизвестного сочинения Гончарова “Фрегат Паллада”, адмирал граф Путятин хлопотал у японских властей получить у нагасакского рейда такое именно местечко. Хлопоты эти, однако, тогда не увенчались успехом»².

Посещения русскими судами Нагасаки участились после подписания русско-японского торгово-пограничного трактата в Симода в 1855 г., неудачной попытки России утвердиться на острове Цусима в начале 1860-х годов и последовавшего «открытия» Японии для мировой торговли. С тех пор в течение десятилетий на рейде Нагасаки по несколько зимних месяцев кряду стоял отряд судов в Тихом океане, в дальнейшем выросший в российскую Тихоокеанскую эскадру, местом основного базирования которой позже стал Владивосток. К 1880-м годам порт Нагасаки обладал огромными запасами дешевого угля, доком, заводами и мастерскими, позволявшими производить судовой ремонт

¹ Работа подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), исследовательский проект № 10-01-00502а.

² РГА ВМФ. ф. 408 (Управление санитарной частью флота), оп. 1, д. 547, л. 120 – об.121. – Рапорт командующего отрядом судов в Тихом океане контр-адмирала А. А. Корнилова управляющему Морским министерством. Лето 1886 г.

почти любой сложности, регулярным почтово-пассажирским сообщением не только с другими открытыми для европейцев портами Японии, Кореи и Китая, но и со столицей русского Приморья. Здесь прошел и первый подводный телеграфный кабель, связавший Японию с материком. Все это делало Нагасаки еще более привлекательным для русских судовладельцев (во Владивостоке многого из того, что перечислено выше, долгое время не было³), и они охотно следовали примеру военных. «Редко случается, что на нагасакском рейде нет ни одного русского корабля... Каждую зиму можно видеть пять-шесть коммерческих судов..., исправляющих свои дефекты», – констатировал в 1901 г. здешний русский чиновник⁴.

В 1873 г. в Нагасаки открылось русское консульство, со временем в городе и окрестностях появились другие российские государственные, частные и общественные учреждения; безболезненно решился и вопрос с береговым «местечком» для военных моряков, о котором в свое время хлопотал граф Е. В. Путятин. В 1879–1884 гг. корабли Тихоокеанской эскадры ремонтировались в собственном сухом доке, построенном близ пригородной деревни Инаса⁵ на западной, противоположной городу, оконечности нагасакской бухты. Док имел отдельный причал и участок земли со «шлюпочным сараем» и баней – комплексом небольших построек, которые местная печать, однако, нарекла «русским адмиралтейством». Корабли эскадры продолжали подолгу бывать в Нагасаки и после приобретения Россией незамерзающего Порт-Артура в 1898 г. В начале XX в. на серных источниках местечка Унзэн в 50 км от города эскадра обзавелась собственным санаторием – еще в конце 1880-х годов ее корабли время от времени начали направлять туда своих больных.

«С каждым годом растет значение Нагасаки, как санитарной станции для нашей Приморской области, и с каждым годом усиливается прилив сюда на зиму больных, которым необходимо пользование теплым кли-

³ «Ни угольных складов, ни провианта, транспортов, дорог, быстроходных судов – ничего нет, – описывал очевидец ситуацию на русском Дальнем Востоке в 1895 г. – Даже аварий починить негде, так как если большой владивостокский док и готов, то ... мастерских не существует еще даже в зачаточном состоянии. Что Владивосток – порт вполне и безусловно замерзающий, несмотря на ледорезы и всевозможные проекты подогреваний бухты искусственным образом, признано всеми моряками». – Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 560 (Общая канцелярия министра финансов), оп. 28, д. 24, л. 9. – Извлечение из частного письма студента миссии в Пекине Е. Ф. Штейна от 15/27 ноября 1895 г. Об «удручающем положении наших портов», «скудости механических средств и дельных мастеровых» в них, проблемах с доставкой на суда угля в 1899 г. докладывал управляющему Морским министерством командующий Тихоокеанской эскадрой вице-адмирал Я. А. Гильтебрандт. – РГА ВМФ, ф. 650 (Эскадра Тихого океана), оп. 1, д. 263, л. 2.

⁴ АВПРИ, ф. 150 (Японский стол), оп. 493, д. 941, л. 2, об. – Донесение консула в Нагасаки кн. А. А. Гагарина посланнику в Токио А. П. Извольскому. Нагасаки, 19 октября/1 ноября 1901 г., № 622.

⁵ В русских источниках иногда называлась «Иноса».

матом в течение зимы», – отмечал консул В. Я. Костылев в 1896 г.⁶ К этому времени в городе появилось несколько частных российских гостиниц и пансионов, сложилась внушительная русская колония. «Целебные источники в окрестностях Нагасаки, мягкий климат, сравнительная дешевизна жизни и удобства сообщения, – писал преемник Костылева, – все это служит причиной увеличения русской колонии, насчитывающей уже теперь более 300 постоянных жителей в городе, не говоря о проезжих и путешественниках»⁷. Морской дом – «убежище»-пансион для матросов, открытый «из чувства национального самолюбия» консулом князем А. А. Гагариным в 1902 г. на частные пожертвования, включавшие благотворительные поступления от «высочайших особ» и взносы служащих КВЖД и дальневосточных моряков, – только за первые полтора года дал приют 360 малоимущим российским постояльцам⁸.

Местные власти стремились затруднить умножение иностранной собственности на территории Японии. Перечисленные выше российские учреждения объединяло то, что даже принадлежавшие им постройки находились на землях, арендованных у муниципалитета или местных жителей на строго определенный и, как правило, весьма ограниченный срок⁹. «Долгожителем» среди них стал береговой лазарет Тихоокеанской эскадры, который просуществовал в Нагасаки и его ближайших окрестностях без малого полвека – с конца 1858 г. до 1906 г. лишь с краткими перерывами. Всегда небольшой, в основном сезонный, в свои лучшие времена способный принять не более 350–400 стационарных больных в год, в истории отечественного морского санитарного дела лазарет не сыграл заметной роли¹⁰. Поэтому мы будем его рассматривать не столько как лечебное учреждение, сколько как частный случай российского присутствия на японской земле, как иллюстрацию многолетнего повседневного общения, взаимодействия и «взаимоузнавания» россиян и японцев на бытовом уровне. Кроме того, это военно-лечебное заведение, возникшее на территории соседнего суверенного государства (что само по себе не вполне обычно), имеет собственную, весьма колоритную, но неизученную историю.

⁶ АВПРИ, ф. 150, оп. 493, д. 946, л. 49– об. 50.

⁷ Там же, д. 941, л. 2 об.

⁸ Там же, л. 5, об. 24, 43. В 1916 г. этот Морской дом, к тому времени обезлюдевший и обветшавший, был продан городским властям Нагасаки. – Там же, л. 150.

⁹ Характерно, что в 1900 г. губернатор Нагасаки-кен Аракава Ёситаро под благовидным предлогом отклонил ходатайство российского морского ведомства об аренде русским правительством земли в Унзэн на 50 лет. Взамен арендный договор был оформлен лишь на пятилетие и на имя японца Сига Цикамото (в русских документах – А. А. Сига) – представителя второго русскоговорящего поколения известной нагасакской семьи, о которой будет сказано ниже.

¹⁰ Для сравнения укажем, что, например, в 1894–1896 гг. на берегу и на судах русского военно-морского флота «внутреннего и заграничного плавания» заболело свыше 74 тыс. человек, из которых умерло более 600 (см.: РГА ВМФ, ф. 408, оп. 1, д. 408, л. 23). Для своего времени это был четвертый показатель в мире – заболеваемость и смертность на французском, британском и германском военных флотах в те годы была еще выше.

Отечественные документы официального делопроизводства об этом госпитале и бумаги самого лечебного заведения сосредоточены в Российском государственном архиве военно-морского флота (РГА ВМФ, Петербург) и Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ, Москва); зарубежные (японские) нам не известны. Источники личного происхождения исчерпываются цитированным выше рапортом адмирала А. А. Корнилова, написанным в 1886 г. и тогда же опубликованным¹¹ и более поздними мемуарными свидетельствами, весьма, правда, немногочисленными; историография – простыми упоминаниями в разного рода изданиях, преимущественно справочно-энциклопедических¹².

* * *

Первый опыт русского военно-морского лазарета в Нагасаки оказался кратким и в некоторых чертах даже трагикомическим; самим своим возникновением он был обязан случайному стечению обстоятельств. В ноябре 1858 г. после долгого пребывания в тропических морях в бухте Нагасаки вынужденно бросил якорь русский фрегат «Аскольд» – его команду поразила эпидемия «злокачественных малярий и болотных лихорадок», и продолжать плавание он не мог (как показало проведенное затем обследование судна, источником заразы явились «целые болота» гнили в трюмах самого корабля). Заболевших свезли на берег и разместили в первом попавшемся просторном здании. Им оказался буддийский храм Госинджи близ деревни Инаса, который тут же был арендован у местной общины и наскоро переделан под казарму. Несмотря на усилия судового врачебного персонала, смертность матросов и на берегу продолжала оставаться настолько высокой, что в течение следующих месяцев их могилы заполнили находившееся неподалеку христианское голландское кладбище, превратив его в «чисто русское» (к которому с тех пор приклеилось название «аскольдовой могилы»)¹³. Едва справившись с малярией, команда русского фрегата стала жертвой новой напасти – ее общение с туземным «прекрасным полом» припортового разбора оказалось столь тесным, что свыше четверти уцелевших после эпидемии матросов заразилось венерическими болезнями, главным образом сифилисом¹⁴.

¹¹ Прочитав этот рапорт, управляющий Морским министерством распорядился «напечатать его в Морском сборнике с тем, чтобы гонорар был приобщен к лазаретному капиталу». – РГА ВМФ, ф. 408, оп. 1, д. 547, л. 20 об.

¹² См., напр.: Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона. СПб., 1897, т. 39, с. 422–423; Военная энциклопедия. Изд. И. Д. Сытина. СПб., 1914, т. 16, с. 515–516; Подалько П. Э. Япония в судьбах россиян. Очерки истории царской дипломатии и российской диаспоры в Японии. М., 2004, с. 29, 57–58 и др.

¹³ К концу XIX в. на нем было около 50-ти русских могил, многие офицерские с памятниками; за кладбищем присматривал местный бонза-японец, содержавший его в образцовом порядке. В начале XX в. здесь появилась православная часовня, но само кладбище запустело.

¹⁴ РГА ВМФ, ф. 408, оп. 1, д. 547, л. 120 об.–122.

В июне 1859 г. «Аскольд» с изрядно поредевшим экипажем покинул Нагасаки, сменились и пациенты госпиталя в Госиндзи. Ими стали 50 матросов с других военных судов тихоокеанского отряда, большинство которых, впрочем, тоже «страдало венерою»¹⁵. Для того, чтобы его пациенты прекратили навещать в близлежащий публичный дом, доставшийся «по наследству» от «Аскольда», и не притрагивались к спиртному, которое местные жители выносили к лазарету на продажу, вновь назначенный (с фрегата «Светлана») судов врач Д. В. Мерцалов, по словам А. А. Корнилова, «принужден был поставить своих больных почти в положение арестантов». Но в целом, утверждал адмирал, госпиталь под руководством Мерцалова, «несомненно, процветал»: в него «охотно посылали своих больных и иностранцы; там же находили врачебную помощь и многие из местного населения, японцы»¹⁶. Поскольку в начале 1860-х годов русские военные суда перешли на зимовку в Хакодате, в марте 1861 г. пациенты и медицинский персонал «храмового» лазарета были вывезены на фрегате «Светлана», а сам госпиталь на время закрыт, просуществовав, таким образом, немногим более двух лет. Несмотря на свое критическое отношение к Японии и японцам вообще и к Нагасаки в частности, доктор Мерцалов из опыта своего пребывания здесь сделал вывод, что «из всех портов Восточной Азии, начиная от Сингапура, Нагасаки есть лучший, как станция для наших военных судов, как место, где можно отдохнуть»¹⁷. К мнению Мерцалова на эскадре прислушались, и в результате на месте случайной остановки фрегата «Аскольд» на долгие годы утвердился русский военно-морской лазарет.

В последующие пять зим больных с судов тихоокеанского отряда свозили в деревню Каммитэ близ Хакодате в «лазаретный дом», построенный попечением здешнего русского консула И. А. Гошкевича из сумм, выделенных российским МИДом на обустройство самого консульства. Близкое участие в устройстве лазарета принял консульский священник, впоследствии ставший главой православной миссии в Японии, архиепископ, создатель и многолетний духовный наставник Японской

¹⁵ Венерические заболевания (особенно сифилис) вместе с другими инфекциями и ревматизмом составляли тройку наиболее распространенных болезней на русских военных кораблях. Во второй половине XIX в. Только венерические болезни в целом по флоту давали 115–120 заболевших на тысячу человек. Особенно часто они встречались на судах «заграничного плавания», в том числе на Тихоокеанской эскадре. Из 388 пациентов нагасакского лазарета сезона 1900/1901 гг. каждый третий (или 139 человек) страдал венерическими болезнями, из них сифилисом – 103 (7 офицеров и 96 «нижних чинов»). – (РГА ВМФ, ф. 408, оп. 1, д. 906, л. 144, 152). Периодические освидетельствования русскими флотскими докторами нагасакских проституток на предмет выявления разносчиц сифилиса начали проводиться еще с 1870–1871 гг., но из-за обилия незарегистрированных *юдзэ* результатов не дали. «Борьба японских властей с тайной проституцией ведется, как и в Европе, издавна и бесплодно», – заключил в 1895 г. консул Костылев (РГА ВМФ, ф. 650, оп. 1, д. 153, л. 24).

¹⁶ Там же, ф. 408, оп. 1, д. 547, л. 126 об.

¹⁷ Там же, л. 124–126 об.

Православной Церкви, позже канонизированный как Св. Николай Японский, более известный в Японии как «Никорай-до». Работавшие в «лазаретном доме» консульские врачи бесплатно принимали и местных жителей – до 100 человек ежегодно¹⁸. Как рассказывал впоследствии один из ветеранов медицинской службы Тихоокеанской эскадры, «наши фельдшера были там женаты, их жены служили при госпитале в качестве сестер милосердия, и дело, говорят, шло очень хорошо»¹⁹. Но в начале 1866 г. командующий тихоокеанским отрядом контр-адмирал Ф. С. Керн решил вернуться в Нагасаки как к месту зимовки. В этой связи морской лазарет из Хакодате был возвращен в храм Госиндзи, но пробыл там еще меньше, чем в первый раз, – лишь до ноября 1866 г., будучи на следующие десять лет перемещен в соседнее местечко Хиродагоя, в небольшой дом, построенный там предшественником Керна, капитаном 1-го ранга И. А. Ендогуровым.

Все это время и довольно долго впоследствии русский береговой госпиталь у Инаса не имел ни официального статуса, ни постоянного бюджета и штата, обслуживался временно прикомандированными к нему и потому часто, до 5–7 раз за сезон, сменявшимися судовыми врачами, оборудовался и снабжался «аптекой» из судовых же лазаретов и финансировался либо из средств самого тихоокеанского отряда, либо на пожертвования военных моряков – в отряде ежегодно проходила добровольная подписка не только на «усиление средств» лазарета, но и на ремонт русского кладбища, бани и других береговых сооружений Нагасаки, причем порой и японских тоже²⁰. Текущий мелкий ремонт и снабжение госпиталя продовольствием, приготовление пищи, стирка, доставка дров и воды, вывоз мусора всегда поручались местным поставщикам²¹ и подрядчикам, внутрилазаретная прислуга (сторожа, повара, посудомойки, прачки) также набиралась исключительно из окрестных жителей по вольному найму. Первоначально японские власти сквозь пальцы смотрели на существование на своей территории лазарета иностранного военно-морского флота и не проявляли интереса к трудовым и имущественно-арендным отношениям, которые возникали у русских моряков с местным населением.

¹⁸ Там же, л. 127.

¹⁹ Там же, л. 9. – Письмо старшего судового врача фрегата «Владимир Мономах» К.Ю. Држневича в С.-Петербург главному медицинскому инспектору флота В.С. Кудрину. Нагасаки, 3/15 августа 1886 г.

²⁰ К 1872 г. таких «ремонтных» денег набралось около 900 долл., львиную долю которых составили пожертвования 22-летнего великого князя Алексея Александровича, тогда – старшего офицера фрегата «Светлана», а в будущем генерал-адмирала и управляющего Морским министерством. Сбор пожертвований на Тихоокеанской эскадре продолжался и в последующие годы, причем собранные деньги по традиции хранились у нагасакского консула.

²¹ Десять лет основным японским поставщиком провизии на суда русской эскадры и в ее береговой лазарет являлась компания «Кихэ и Ко» (Нагасаки, Кабасима-мачи), даже бланки счетов которой печатались на русском языке.

И тогда, и позднее состояние берегового госпиталя напрямую зависело от количества и класса военных судов в составе тихоокеанского отряда в каждый данный момент. Пока отряд был малочисленным, российское морское ведомство относилось к нему как к учреждению необязательному, временному и годами не отпускало на его содержание ни копейки. Формальным основанием для этого являлось то, что этот лазарет не входил в установленный перечень штатных лечебных заведений российского флота (почему, к слову сказать, его регулярная отчетность начала появляться только в середине 1890-х годов – раньше Петербург ее не запрашивал). Лишь в конце XIX в. существование нагасакского госпиталя было узаконено и отнесено к разряду «отдельных лазаретов морского ведомства», предусмотренных Сводом морских постановлений. До этого в его деятельность российское морское ведомство предпочитало не вмешиваться так же, как и власти Японии.

Первым документом, который был официально утвержден в Петербурге и Токио, стал договор 1875 г. между российским консулом А. Э. Оларовским и командующим тихоокеанским отрядом, уполномоченными Морским министерством, с одной стороны, и наследственным бургомистром округа Нагасаки А. Сига – с другой²². Предметом сделки стала 10-летняя аренда у японца около тысячи *цубо*²³ земли близ той же деревни Инаса – участка, на котором вскоре выросло здешнее «русское адмиралтейство». Арендатором формально выступил российский консул. Санкция Петербурга не означала изменения его отношения к русскому береговому лазарету в Японии по существу – 90% суммы, выделенной Морским министерством в связи с заключением этой сделки (смехотворных 383 долл. в год), ушло на возведение «шлюпочного сарая», оплату земельной аренды и страховки; береговому же госпиталю снова достались крохи. Выручили частные пожертвования моряков, пополненные их же «кладбищенскими» накоплениями за прежние годы. К весне 1876 г. на эти общественные деньги на «адмиралтейском» участке бригада японских плотников возвела легкое двухэтажное здание в «туземном стиле», в котором и разместился морской лазарет, вступив, таким образом, во второй этап своего существования. Уже в 1877 г. госпиталь смог принять 120 больных, а за следующие два сезона обслужил еще 450 пациентов²⁴.

В 1876 г. по инициативе командующего тихоокеанским отрядом был составлен первый устав лазарета, который, с учетом норм международного права и настойчивого пожелания японцев, формально передал его и находившихся в нем больных в постоянное заведование консула

²² Этот японский муниципальный чиновник был не случайным человеком для русских моряков – с его покойным к тому времени отцом был знаком еще граф Путятин. В русских документах Сига-младшего именовали «Александром», поскольку он был крещен.

²³ *Цубо* – японская мера площади, равная 3,3 кв. м.

²⁴ РГА ВМФ, ф. 408, оп. 1, д. 266, л. 21.

в Нагасаки. С тех пор, в глазах японских властей, именно российский консул отвечал за состояние самого госпиталя и поведение его пациентов вне его стен. Однако на практике это положение устава действовало лишь в период ухода эскадры из Японии, когда лазарет закрывался, а его постройки и движимое имущество по описи сдавались на хранение консулу (нередко с указанием адмирала «принять на себя труд» по его ремонту²⁵). Когда же эскадра стояла в Нагасаки и лазарет функционировал, в нем единолично хозяйничал корабельный доктор, назначенный командующим по представлению своего флагманского врача, который по всем вопросам подчинялся исключительно им, а консула зачастую не находил нужным даже ставить в известность о текущем состоянии дел. Эта, повторявшаяся ежегодно, нелепая и оскорбительная для консула ситуация породила многолетние «пререкания» местных русских военно-морских начальников с дипломатами о ведомственной принадлежности лазарета – споры, которые со временем дошли до самого верха российской бюрократии.

В хозяйственном отношении в первые годы пребывания в Инаса береговой госпиталь не развивался, но лишь хирел. Офицеры, громко именовавшиеся «командирами» строившегося здесь русского порта, не долго думая, превратили примыкавший к лазарету клочок земли в место для пикников, упражнений в стрельбе, сушки корабельных брезентов и т. п.²⁶ «Вообще в этот период времени с 1876 по 1880 гг., – вспоминал адмирал Корнилов, – очень мало делалось для поддержки и усовершенствования возникших наших в Инаса учреждений, и очень много для их разрушения. Естественною причиною этого было то обстоятельство, что Тихоокеанский отряд состоял в это время из небольшого только числа судов, из которых в начале 1879 г. возвратились в Россию корвет “Баян”, клипера “Гайдамак” и “Всадник”, остался в Японии один только клипер “Крейсер”... Бывали и случаи неосторожного поведения в этом порту наших моряков, столкновения с японцами»²⁷. Хотя тихоокеанское соединение, таким образом, на время фактически прекратило существование, над русским военно-морским присутствием в Нагасаки сгустились тучи – в местной японо- и англоязычной печати заговорили о том, что русские-де «слишком далеко зашли», поскольку возводимое ими в Инаса «адмиралтейство» в действительности есть форт, способный в будущем угрожать самому городу орудийным огнем (комментируя

²⁵ РГА ВМФ, ф. 650, оп. 1Б, д. 87, л. 5–5 об. – Отношение начальника эскадры в Тихом океане контр-адмирала П. П. Тыртова к консулу В. Я. Костылеву. Нагасаки. 26 апреля 1892 г., № 213.

²⁶ Не случайно, что появившиеся позднее «Правила» нагасакского лазарета специальным пунктом воспрещали «свозить сюда для мытья с судов брезенты и другие вещи, изготовлять для здоровых баню или ванны, производить исправление разных судовых предметов, а также устраивать какие-либо увеселительные собрания».

²⁷ РГА ВМФ. Ф. 408, оп. 1, д. 547, л. 136 об. – 137.

подобные настроения, адмирал Корнилов отметил желательность «устранить их на будущее время и достигнуть естественного, прочного дружелюбного сближения с Японию и японцами»²⁸). Когда выяснились действительные масштабы и цели русского строительства в пригородной деревне, патриотические страсти в местном японском обществе улеглись, но настороженность власти осталась.

Оживление госпитальной жизни началось летом 1880 г., когда в связи с обострением отношений с Китаем Тихоокеанская эскадра была усилена, а ее статус повышен появлением на посту главнокомандующего бывшего управляющего Морским министерством генерал-адъютанта вице-адмирала С. С. Лесовского, вместе с женой много сделавшего для обустройства нагасакского лазарета²⁹. Вопреки обычаю, летом 1880 г. госпиталь не был закрыт и в нем лечились 40 военных моряков. На следующую зиму впервые за всю (к тому времени уже 20-летнюю) его историю в него были переведены пациенты морского госпиталя Владивостока опять-таки в преддверии ожидавшегося открытия военных действий с Китаем – считалось, что в этом случае эскадре предстоит оперировать исключительно в удаленном от Владивостока (но близком к Нагасаки) Печилийском заливе. В этой связи к заново отремонтированному двухэтажному госпитальному зданию в Инаса была сделана вместительная пристройка, а за больными матросами установлен строгий надзор – «искус» в виде публичного дома по-прежнему помещался на соседней горе. Будущий вице-адмирал Г. Ф. Цывинский, который впервые посетил Нагасаки в июне 1880 г. на клипере «Наездник», в своих мемуарах описывает «атаку» своего корабля шлюпками-*фунэ* японских торговцев сразу после захода на нагасакский рейд. Характерно, что старшие офицеры русского клипера всех их знали по именам – Бенгоросан, Сига-сан, Изаки-сан и др. Та же картина и с тем же составом участников повторилась и в 1891 г., когда Цывинский вторично явился в Нагасаки старшим офицером фрегата «Владимир Мономах»³⁰.

В 1880 г. был впервые определен размер платы за пользование лазаретом, что подвело под его деятельность более или менее устойчивую финансовую базу. Установленная приказом адмирала такса составляла один серебряный («мексиканский») доллар за больного матроса в день, что было, по меньшей мере, вдвое дешевле услуг местного японского госпиталя, в который в экстренных случаях с русских судов направляли тяжелобольных, и впятеро – обычных расценок больниц для европейцев в портах Китая. Если верить вычислениям адмирала Корнилова, «состоявшаяся, благодаря существованию собственного берегового

лазарета в Инасе, экономия для казны за одно только время с июля 1880 г. по 1 марта 1881 г., за 257 лишь дней, достигла цифры 8 441 серебряных долларов и ... покрыла с избытком все расходы морского ведомства на аренду участка земли от г. Сиги в Инасе, на ремонты воздвигнутых там зданий и содержание сторожа за все десять контрактных лет»³¹. В конце 1880-х годов судовые ревизоры перечисляли в лазаретную кассу уже только по 20 центов за каждый день лечения одного своего больного, а с середины 1890-х – по 15 центов за «нижнего чина» и по 25 – за офицера. Таким образом, экономия средств морского ведомства по этой статье с годами становилась все более ощутимой и, по мнению В. Я. Костылева, в 1890-х годах достигала никак не менее 10 тыс. долл. в год³². Правда, в начале XX в., когда финансы лазарета перешли в ведение его заведующего-врача, госпитальные расценки немного повысились. Но, в сущности, эти платежи всегда являлись не более, чем перекладыванием государственных средств из одного казенного кармана в другой и для морского ведомства их величина не имела принципиального значения.

В 1884 г., ввиду близкого окончания договора аренды в Инаса, владелец земли заявил о намерении на будущее поднять плату. Между тем, обмеление бухты в районе деревни заставляло русские суда бросать якорь все дальше от берега, а зловонные испарения оголившегося дна отравляли существование обитателям и самого «адмиралтейства». Попытки углубить эту часть бухты или, наоборот, засыпать ее обезвоженные участки щебнем разбились о противодействие нагасакского губернатора. Последней каплей для командующего русской эскадрой стал невиданный силы тайфун, который обрушился на Нагасаки 5 сентября 1884 г. и повредил док, разметал «шлюпочный сарай», баню и другие, более мелкие «адмиралтейские» постройки (но пощадил лазарет). В такой ситуации контр-адмирал А. Е. Кроун, поразмыслив и получив карт-бланш Петербурга (морскому ведомству судьба лазарета в Японии все еще, по большому счету, была безразлична), принял решение отказаться от продления аренды земли и закрыть госпиталь, почему и вошел в историю как его «разоритель»³³. В середине июля 1885 г. договор с японцем Александром Сига истек и не был возобновлен, а имущество «русского адмиралтейства» выставлено на продажу на состоявшемся 20 августа аукционе. Доход русской казны от этой операции составил 345 долл. и 5 центов³⁴ – сумму, сопоставимую с годичной субсидией Морского министерства «адмиралтейству» в Инаса. Следующую зиму 1885/1886 г. клипера «Опричник» и «Разбойник» и флагманский фрегат

²⁸ Там же, л. 137-137 об.

²⁹ Жена Лесовского, Екатерина Владимировна, стала первой русской адмиральшей на Дальнем Востоке, которая не только регулярно лично посещала этот лазарет, но и много жертвовала ему.

³⁰ Цывинский Г. Ф. 50 лет в императорском флоте. Рига, б/д., с.46, 114.

³¹ РГА ВМФ, ф. 408, оп. 1, д. 547, л. 172.

³² АВПРИ, ф. 150, оп. 493, д. 946, л. 43.

³³ РГА ВМФ, ф. 408, оп. 1, д. 547, л. 291. – Письмо консула в Нагасаки В. Я. Костылева главному медицинскому инспектору флота В. С. Кудрину. С.-Петербург, 24 декабря 1890 г.

³⁴ Там же, л. 197.

Тихоокеанской эскадры «Владимир Мономах» стояли в Маниле и Сингапуре, а канонерская лодка «Морж» эти месяцы провела в Китае³⁵.

Так закончился второй, «инасский» этап русского военно-морского госпиталя в Японии, длившийся 10 лет. Новые владельцы разобрали купленные за бесценок его постройки в считанные недели, но у местного населения память о русских моряках и их лазарете сохранилась на годы. Русский язык в Нагасаки «очень распространен, а еще более – в д. Инаса, против Н[агасаки], где находится русский морской госпиталь»³⁶, – свидетельствовал географ и исследователь Востока Г. Е. Грум-Гржимайло на страницах авторитетного энциклопедического издания много лет спустя после «разорения» лазарета. Не удивительно, что именно в «деревне Инасса» во второй половине 1880-х годов в доме своей японской «жены» проводил свободное от службы время великий князь Александр Михайлович, мичман корвета «Рында». При этом, вспоминая позднее этот двоюродный брат Николая II, русские офицеры в шутку называли его японскую подругу «великой княгиней», а ее соседи, деревенские жители, вполне серьезно смотрели на их «брак» «как на известного рода политический успех»³⁷.

Г. Ф. Цывинский следующим образом описал инасский быт русских морских офицеров: «После 5 ч. вечера, когда на судах окончена служба, офицеры съезжали уже на берег, жизнь в Иносе в полном разгаре; проходя мимо домиков, вы невольно наткнетесь на трогательные сцены: в раскрытых комнатах (стены в домах раздвигаются) и на верандах молодые мужья, переодетые в легкие киримоны, кейфуют со своими “супругами” и добросовестно проводят медовые месяцы. Здесь офицеры ночуют, если ночью не надо на вахту, и возвращаются на корабль на утро к 8 ч. Причем супруга провожает его на шлюпке до самого борта... За содержание жены офицер в то время [в начале 1880-х годов. – Д. П.] платил около 40 иен (японских долларов) в месяц и за дачу-особняк платил 20 иен. Итак, за 60 рублей офицер имел дом и жену. С уходом корабля из Нагасаки супружества обыкновенно расстраивались»³⁸.

На судах Тихоокеанской эскадры ликвидацией инасского госпиталя остались недовольны. В Петербург пошли ходатайства о скорейшем возобновлении его работы. В самом морском ведомстве тем временем начали готовиться к очередному – до 12-ти вымпелов – усилению эскадры при одновременном увеличении числа ее моряков до двух тысяч. Обеспечить их медицинское обслуживание в зимнее время морской госпиталь

во Владивостоке был не в состоянии, да и от зимовки эскадры в Нагасаки никто отказываться не предполагал. Спыхватившись, Морское министерство стало спешно «отыгрывать назад». Адмирал А. Е. Кроун был снят со своего поста и, вероятно, отправлен в отставку³⁹. Напутствуя его преемника, морской министр И. А. Шестаков приказал ему первым делом «озаботиться восстановлением берегового лазарета и порта в Нагасаки, уничтоженных в прошлом году», причем предоставил «избрать для построек или прежнее место в Иносе или иное», по его, А. А. Корнилова, усмотрению⁴⁰. Правда, выделить на это средства министр тогда «позабыл».

Прибыв в Нагасаки в марте 1886 г., новый командующий убедился, что Инаса уже «не отвечает существенным гигиеническим условиям» и, по совету консула, обратил взор на восточный берег бухты, имея в виду подыскать подходящий участок в нагорной части города, в которой, как экологически лучшей, традиционно селились европейцы. При такой комбинации неизбежная жертва собственным «портом» компенсировалась бы близостью к консульству – приобретение недвижимости для военно-морских нужд снова (как и в 1875 г.) внешне могло быть подано, как расширение владений официальной российской миссии, но выглядеть намного правдоподобнее, нежели в случае с пригородной рыбацкой деревней. В том, что и на новом месте обоюднo доброжелательный контакт с японским населением сохранится, русский адмирал не сомневался: «В Нагасаки, благодаря частым посещениям этого порта нашими военными судами в течение целых десятков лет, завязались уже дружелюбные, основанные на взаимных интересах отношения с местными жителями, из которых очень многие говорят по-русски и, несомненно, к нам расположены»⁴¹, – утверждал он и не ошибся.

Делу снова сопутствовала удача. Как по заказу, в начале апреля 1886 г. на продажу по сходной цене был выставлен смежный с российским консульством участок земли с просторным домом и садом. Для прохождения бумаг через местные бюрократические инстанции важно было и то, что владельцем усадьбы был не японец, а иностранец (англичанин), который, внезапно получив назначение в Шанхай, срочно распродал имущество в Нагасаки; «и для иностранцев неудобство положения лазарета среди европейского поселения покрывается тем, что лазарет при консульстве и что он не постоянный»⁴², – объяснял выгоды сложившейся ситуации консул Костылев. В результате покупка усадьбы состоялась, была оформлена без помех (земельный участок консульству удалось заполучить на правах вечной аренды) и 16 апреля

³⁵ Выписка из рапорта командующего отрядом судов в Тихом океане. Сингапур, 20 декабря 1885 г. – Морской сборник. 1886, № 4, с. 21–24.

³⁶ Грум-Гржимайло Г. Нагасаки. – Энциклопедический словарь Ф. Ф. Брокгауза и И. А. Ефрона, т. 39, СПб., 1897, с. 422–423.

³⁷ Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. М., 1991. – <http://militera.lib.ru/memo/russian/a-m/index>.

³⁸ Цывинский Г. Ф. 50 лет в императорском флоте, с. 49–50.

³⁹ Во всяком случае, с 1886 г. его имя исчезает из списка действующих адмиралов русского флота.

⁴⁰ РГА ВМФ, ф. 408, оп. 1, д. 547, л. 1–1 об.

⁴¹ Там же, л. 182 об.–183.

⁴² Там же, л. 291–291 об.

отмечена бокалом шампанского в здании консульства на торжественном ужине с участием адмирала и офицеров четырех судов, стоявших в нагасакской бухте, которые накануне по подписке собрали сумму, потребную для совершения сделки. Во избежание недоразумений с властями Корнилов и Костылев настояли, чтобы все явились в штатском и музыка не играла. Единственным украшением банкета были пасхальные кресты из веток и аналой, принесенные по случаю Святой недели. «Присутствуя на этом празднестве, каждый из нас чувствовал, что находится как бы на своей земле, у себя дома», – вспоминал адмирал⁴³. Наскоро переоборудованный и подремонтированный дом уже в конце мая 1886 г. принял первых пациентов. Военно-морской лазарет в Нагасаки вступил в третий, заключительный период своей истории.

Здание русского военно-морского лазарета в Нагасаки. Весна 1886 г.
РГА ВМФ, ф. 408, оп. 1, д. 547, л. 259.

Летом того же года на Дальний Восток прибыл адмирал И. А. Шестаков, который прославился тем, что за свое шестилетнее пребывание в министерстве лично проинспектировал все русские военные порты, включая Владивосток, отныне объявленный главной военно-морской базой России на Тихом океане. По пути домой министр сделал короткую остановку в Нагасаки и 28 июля посетил лазарет. Пожелав «учреждению всякого успеха», а его пациентам «садить больше деревьев»⁴⁴, адмирал пожертвовал госпиталю 50 рублей. В местных военно-морских кругах этот визит и, особенно, символический денежный взнос истолковали как знак долгожданного признания лазарета Морским министерством и готовности его финансировать. И хотя впоследствии эти

⁴³ Там же, л. 207.

⁴⁴ Там же, л. 20. – Надпись, положенная собственноручно управляющим Морским министерством в историческом журнале берегового лазарета отряда судов в Тихом океане 28 июля 1886 г.

надежды в полной мере не оправдались, на эскадре окончательно стали считать лазарет своим и действовать безо всякой оглядки на консульство, на земле и под флагом которого он находился. Начиная с Корнилова, каждый следующий командующий эскадрой (а их за последующие 20 лет сменилось с десятков), открывая свое новое поприще инспекцией нагасакского госпиталя, либо подтверждал правомочность его прежнего устава, либо вводил в действие новые правила, первым пунктом которых всякий раз была фраза: «Нагасакский береговой лазарет предназначается для нужд эскадры Тихого океана и находится в непосредственном ведении начальника эскадры».

В Петербурге понимали, что во избежание недоразумений с Японией на межгосударственном уровне «всякое учреждение на иностранном берегу, где существует императорский консул и консульская юрисдикция, должно быть в ведении консула»⁴⁵. Но ведомственные амбиции брали верх и Морское министерство раз за разом санкционировало статус лазарета в редакции дальневосточных военно-морских начальников. Протесты и предостережения консулов, а затем и высших чинов Министерства иностранных дел о том, что рано или поздно японское правительство перестанет терпеть бесконтрольное существование на своей территории иностранного военного учреждения, фактически находящегося вне консульской юрисдикции, и будет настаивать на его упразднении, отвергались на том основании, что все расходы по содержанию лазарета «несет исключительно морское ведомство», а консульская юрисдикция на временно пребывающих на берегу военных моряков не распространяется⁴⁶.

Подобие компромисса в этом вопросе было достигнуто только в 1900 г. Пятое по общему счету «Правила для берегового лазарета эскадры Тихого океана в Нагасаки», согласованные с МИДом и утвержденные управляющим Морским министерством 14 декабря 1900 г., устанавливали, что «как русское учреждение, находящееся в пределах иностранного государства, береговой лазарет в Нагасаки, то есть административный состав его и все находящиеся в нем больные, состоят в таком же отношении к императорскому российскому консулу в Нагасаки, в каком находятся все проживающие в этом городе русские подданные»; согласно этим же «Правилам», исключительно через консульство должны были идти «все сношения лазарета с японскими властями», и наоборот⁴⁷. Появление этого документа, безусловно, способствовало

⁴⁵ РГА ВМФ, ф. 408, оп. 1, д. 547, л. 443 об. – Отношение главного медицинского инспектора флота В. С. Кудрина в Главный морской штаб. 21 марта 1895 г.

⁴⁶ АВПРИ, ф. 150, оп. 493, д. 946, л. 55–55 об. – Отношение управляющего Морским министерством вице-адмирала П. П. Тыртова к товарищу министра иностранных дел Н. П. Шишкину. С.-Петербург, 12 октября 1896 г., № 2916.

⁴⁷ Там же, л. 69–69 об.

упрочению статуса госпиталя, но стычек консула с лазаретным врачом по частным поводам не прекратило.

В 1886 г., после отъезда морского министра, ободренное начальственным вниманием тихоокеанское командование с удвоенной энергией принялось обустроить новый госпиталь, время от времени умудряясь выхлопотать казенные деньги сверх 600 долл. в год, которые министерство ассигновало на аренду земли; по-прежнему в дело шли и частные пожертвования. В следующие полтора десятилетия лазарет пережил строительный бум, совершенно его преобразивший. Уже в ноябре 1887 г. на 1200 долл., пожертвованных великим князем Александром Михайловичем, на лазаретном участке была построена деревянная часовня, сооружен кирпичный корпус для офицеров и восстановлена русская баня в Инаса. Спустя два года был снесен обветшавший дом для «нижних чинов» и на его месте в 1890 г. на отпущенные министерством 4 тыс. долл. выстроен новый, тоже кирпичный (его постройкой руководил консул Г. А. де-Воллан⁴⁸). К 1896 г. этот «командный» корпус, с трех сторон окруженный верандой и надстроенный деревянным вторым этажом, мог одновременно принять уже до 60-ти пациентов. Сверх того, в 1890-е годы появился второй «командный» корпус (после чего лазарет мог вмещать уже до 90–95 «нижних чинов»), каменные здания операционной, лаборатории, анатомического театра, домик для санитаров и японской прислуги, кухня, кладовые, другие хозяйственные постройки. Все 11 основных зданий лазарета в 1892–1893 гг. были подключены к городской водопроводной сети, а в 1903 г. – и к электрической. Утопавшая в зелени территория, украшенная фонтаном и розарием, была основательно огорожена, внутренние и внешние откосы выложены диким камнем, верхняя («командная») и нижняя («офицерская») террасы участка соединены каменной лестницей, в саду поставлены скамейки, гимнастические снаряды, качели. «Вид с улицы на владения лазарета крайне приятный, – констатировал в 1902 г. его заведующий, – сильно отличается от всех прочих владений по своей чистоте»⁴⁹. В будке у въездных ворот дежурил японец-привратник. Над госпитальным комплексом на высоком флагштоке реял российский стяг.

Благодаря энергичному содействию главного медицинского инспектора флота почетного лейб-хирурга В. С. Кудрина, чья молодость прошла на кораблях эскадры Тихого океана, заметно улучшилось оснащение лазарета и медицинское обслуживание больных. До 1890 г. его медицинский инструментарий был удручающе скуден – на вооружении лазаретного врача состоял один «общехирургический полковой набор» образца 1847 г.,

⁴⁸ Там же, л. 1 об. – Донесение консула В. Я. Костылева в Азиатский департамент МИД. Нагасаки, 19 мая 1892 г. № 145.

⁴⁹ РГА ВМФ, ф. 650, оп. 1, д. 422, л. 119 об. – Рапорт заведующего лазаретом эскадры Тихого океана в штаб начальника эскадры. Нагасаки, 7 сентября 1902 г., № 687.

два шприца, три термометра и т. п. и не было даже обычных стоматологических инструментов. Зато перечень только хирургического оборудования, имевшегося в лазарете к 1899 г., занимал уже десяток страниц, и это притом, что его основным медицинским профилем оставались венерические и инфекционные заболевания. Ежегодно в летние месяцы по 80–100 офицеров и «нижних чинов» посменно и под присмотром фельдшера принимали серные ванны в Унзэн и в местечке Обама. В самих больничных корпусах были устроены ваннные комнаты и отдельные помещения для чахоточных и других инфекционных больных (правда, сифилитики все еще содержались в общих палатах).

Как и раньше, основными клиентами лазарета были русские военные моряки. Но, «сообразуясь», согласно «Правилам», «с количеством свободных мест», госпиталь в то же время принимал гражданских чиновников и матросов, «нижних чинов» сухопутного ведомства, соотечественников «разных сословий» и даже иностранцев – чаще всего больных с французских военных кораблей (за что в 1902 г. удостоился письменной благодарности посетившего его французского адмирала А. Марешала⁵⁰). Впрочем, свободные места для «пришлых» появлялись все реже. Тихоокеанская эскадра продолжала расти – в конце XIX в. общая численность экипажей ее судов уже значительно превышала 5 тыс. человек, а в начале XX в. перевалила и за 8,5 тыс.⁵¹ Чтобы справиться с наплывом больных, нагасакский госпиталь постепенно перешел на круглогодичный режим работы, причем с 1901 г. его заведующего-врача назначал уже руководитель всей медико-санитарной службы морского ведомства и на срок не менее трех лет. Помесячные ведомости «о состоянии больных офицеров и нижних чинов» и свои ежегодные отчеты лазаретный «главврач» также направлял непосредственно главному медицинскому инспектору флота.

Между тем, в высших министерских сферах командование эскадры все чаще заводило речь о «настоятельной надобности в увеличении Нагасакского берегового лазарета»⁵² или даже о том, что «при настоящей численности состава эскадры одного лазарета в Нагасаки уже недостаточно»⁵³. На ходатайства об учреждении дополнительного госпиталя за рубежом (к примеру, в корейских портах Чемульпо или Мозанпо) руководитель морского ведомства отвечал напоминанием о «первоклассном порте Артур с госпиталем и лазаретами»⁵⁴. Но сами моряки по-прежнему

⁵⁰ См.: там же, л. 110–110 об.

⁵¹ См.: РГИА, ф. 560, оп. 28, д. 168, л. 149–149 об. – Справка Министерства финансов от 20 ноября 1902 г.

⁵² РГА ВМФ, ф. 408, оп. 1, д. 547, л. 479 – Отношение начальника эскадры в Тихом океане вице-адмирала Е. И. Алексеева к главному медицинскому инспектору флота В.С. Кудрину. Нагасаки, 29 марта 1897 г., № 528.

⁵³ РГА ВМФ, ф. 408, оп. 1, д. 933, л. 1. – Выписка из строевого рапорта начальника эскадры Тихого океана управляющему Морским министерством от 30 июня 1901 г.

⁵⁴ Там же (резолюция морского министра).

отдавали предпочтение нагасакскому лазарету, к концу XIX в. ставшему полноценным и полноправным флотским лечебным учреждением.

Широкая российская публика с повседневной жизнью своих военных моряков в Нагасаки познакомилась в 1890 г. благодаря фоторепортажу, опубликованному на первой полосе популярного иллюстрированного журнала «Нива». «Суда нашей Тихоокеанской эскадры, проплавав летом у берегов Дальнего Востока, на зимнее время уходят к портам Японии и Китая, – говорилось в редакционном комментарии. – Самым удобным и любимым портом считается спокойная Нагасакская бухта, в которой обыкновенно суда стоят по несколько месяцев. Приноровясь к требованиям русских, японцы снабжают суда отличной провизией, пекут черный хлеб и сухари; столяры и парусники с успехом исполняют все работы и починки. Наконец, к услугам русских механический завод и сухой док, где могут исправляться крупные повреждения по корпусу и механизмам судна». Кратко описав лазарет в Нагасаки и баню в Инаса, в заключение анонимный автор сообщал: «Недалеко от бани приютилась в живописном уголке русская гостиница, которую содержит известная всем морякам почтенная японка Оматцу-сан, знающая отлично русский язык и кухню. Проплавав несколько лет за границей, приятно попасть в Нагасаки к симпатичным японцам, а поев черного хлеба, щей и каши, невольно чувствуешь себя дома»⁵⁵. На пасху, вспоминал Цывинский, нагасакские кондитеры выпекали и доставляли на русские корабли «массу всевозможных куличей, баб и всяких *таберо*».

Рассказ корреспондента «Нивы» дополняет в своих мемуарах великий князь Александр Михайлович. На вдову и также в прошлом «жену» русского военного моряка Омати-сан «русские моряки смотрели как на приемную мать русского военного флота... ей удалось создать в ее заведении атмосферу типичного русского ресторана, который с успехом мог бы занять место где-нибудь на окраинах Москвы. Но кроме кулинарии и развлечений, она знакомила русских офицеров с их будущими японскими «женами». За эту услугу она не требовала никакого вознаграждения, делая это по доброте сердца. Она полагала, что должна сделать все от нее зависящее, чтобы мы привезли в Россию добрые воспоминания о японском гостеприимстве». По наблюдению того же мемуариста, сородичи японских «жен» русских моряков «не только не подвергали их остракизму за их связи с иностранцами, но считали их образ жизни одною из форм общественной деятельности, открытою для их пола»⁵⁶.

Внимание к нагасакскому госпиталю российского общества подогревали его «высокие» визитеры. 23 апреля 1891 г. в ходе путешествия по Японии и другим странам Востока здесь побывал наследник русско-

⁵⁵ Нива. 1890, № 26, с. 672. Если верить Г.Ф. Цывинскому, посетителю ресторана Омати-сан угощали не только щами и кашей – самого мемуариста здесь потчевали «настоящей русской водкой и русскими закусками: икрой, балыком, огурцами и проч.» – Цывинский Г.Ф. 50 лет в императорском флоте, с.48.

⁵⁶ <http://militera.lib.ru/memo/russian/a-m/index>.

го престола⁵⁷. Наследник цесаревич, докладывая по горячим следам в Петербург флагманский врач эскадры, «осмотрев все до мельчайших подробностей, остался доволен образцовою чистотою, местоположением, воздухом» и пожертвовал лазарету 3 тыс. рублей. Правда, больных в госпитале будущий Николай II не увидел – накануне вечером все до единого были вывезены под предлогом окончания зимовки военных кораблей (которая в обычной ситуации заканчивалась в мае, а то и в июне)⁵⁸. Владелицы обеих «русских» ресторанов в Инаса, куда наследник съезжал дважды, получили из рук цесаревича по золотой брошке с сапфирами (надо полагать, за «долголетнюю службу мичманами»), саркастически прокомментировал этот подарок один из очевидцев⁵⁹).

13 июня 1903 г. госпиталь посетил генерал А. Н. Куропаткин, совершавший официальный визит в Японию. Пытливый взор военного министра не упустил мелкие недостатки («вид нижних чинов невеселый», «помещение для прислуги недостаточно убрано» и т. д.), но в целом госпиталь Куропаткину понравился: «В хорошем порядке. Много заботливости. Больных три офицера, один чиновник и 56 матросов. Размещены прекрасно... Пища отличная»⁶⁰. Еще более приятные впечатления генерал вынес от посещения гостиницы японки, которая, хоть и постарела, но по-прежнему была мила и приветлива. «В Нагасаки о русских сохранила добрая слава», – заключил русский министр.

Разумеется, в реальной жизни не все было так безоблачно и пасторально. В марте 1896 г., например, на улице Нагасаки группа матросов с японской лодки «Окаги-мару» напала на находившихся в увольнении «нижних чинов» с эскадренного броненосца «Николай I» С. Есаулова и А. Петрова. Пьяная драка, в ходе которой Есаулова ударили ножом, закончилась вмешательством полиции и последующими официальными извинениями командира японского военного судна. На внутреннем дознании Петров уточнил, что инцидент произошел на пороге одного из припортовых борделей, а Есаулов утверждал, что был трезв, поскольку «водки мы выпили всего одну бутылку»; лечили раненого матроса в русском береговом лазарете⁶¹.

⁵⁷ См.: Путешествие его императорского высочества наследника цесаревича и великого князя Николая Александровича на Восток в 1890-1891 гг. Книга для чтения. СПб., 1894, с. 26–27.

⁵⁸ РГА ВМФ, ф. 408, оп. 1, д. 547, л. 309. – Рапорт флагманского врача Тихоокеанской эскадры главному медицинскому инспектору флота. Рейд Кобэ. № 26, 29 апреля 1891 г.

⁵⁹ Цывинский Г. Ф. 50 лет в императорском флоте, с.114.

⁶⁰ Японские дневники А. Н. Куропаткина. Запись от 15 июня 1903 г. – <http://feb-web.ru/feb/rosarc/ra6/ra6-393-htm>.

⁶¹ См.: РГА ВМФ, ф. 650, оп. 1, д. 730, л. 8–13. Когда в Японии усилились антирусские настроения, японские моряки стали позволять себе более серьезные выпады. В сентябре 1899 г. в ознаменование очередной годовщины победы японского флота над китайским в войне 1894–1895 гг. в бухте близ Инаса при большом стечении местных жителей они устроили представление – атаку учебными торпедами муляжей китайских военных судов с торчащими на их палубах куклами в человеческий рост. На голове одного из манекенов красовались четыре

В начале XX в., в последние годы существования лазарета, крупных построек на его территории уже не производилось, жизнь вошла в размеренную колею. К этому времени должность заведующего лазаретом врача превратилась в престижную и высокооплачиваемую (его оклад соответствовал содержанию старшего врача корабля 1-го ранга, не считая внушительных суточных выплат как находящемуся в заграничной командировке). Его повседневные обязанности не шли ни в какое сравнение с полной опасностью службой на корабле, а морское начальство навевалась квартира – домик «деревянно-глинобойной постройки», возведенный на участке консульства в 1891 г., и он имел право выписать из России семью. Не удивительно, что на эскадре этого места добивались, им дорожили и старались подольше занимать. Вольготно чувствовал себя в Нагасаки и низший медицинский персонал, который, по правилам, назначался по выбору «главврача» из числа кондукторов срочной службы, «известных безукоризненным поведением». Фактически фельдшера днем и ночью могли беспрепятственно выходить в город в «штатском платье» – достаточно было появиться в лазарете на утренней и вечерней «визитациях» заведующего. Обыденным явлением в их жизни были и многодневные увеселительные прогулки по окрестностям. Многие по примеру офицеров обзаводились японскими «женами», а некоторые обживались в Нагасаки настолько, что, выйдя в запас, оставались там навсегда (в их числе был фельдшер Алексеев, который стал заведовать упомянутым Морским домом).

Хотя лазаретные правила разрешали отлучку больных лишь «в самых исключительных случаях», на практике выздоравливавшие «нижние чины» выходили за ограду почти ежедневно – на прогулку в город их отпускали группами по 10 человек. В 1902 г. заведующий лазаретом «ввиду особых условий пребывания больных матросов» («пользуются садом, ходят на разные игры через улицу и в другой лазарет») даже просил разрешить «переделку их халатов на костюм» штатского образца, но адмирал отказал⁶². В «командном» корпусе силами больных разыгрывались любительские спектакли, в офицерском – была небольшая библиотека с газетами и журналами («Новое время», «Всемирная библиотека», «Русский вестник» и др.), выписанными из Владивостока;

свечи, а под ногами лежала стрела (так было «зашифровано» слово «Roshia»: «го» – свеча, «shi» – четыре, «ya» – стрела). В ответ на замечание губернатора, что этой выходкой устроители праздника «хватили через край», японские офицеры за глаза называли его «жалким трудом» и, со своей стороны, заявили о готовности «шутя переколотить всех европейских варваров». Русские моряки с лодки «Тунгус», стоявшей на рейде, на представление были приглашены, но, предчувствуя недоброе, не явились. – РГА ВМФ, ф. 650, оп. 1, д. 263, л. 12–12 об. – Перевод выписки из частного письма на французском языке. Нагасаки, 27 сентября 1899 г.

⁶² РГА ВМФ, ф. 650, оп. 1, д. 492, л. 2. – Рапорт заведующего лазаретом эскадры Тихого океана К. А. Элленбогена в штаб начальника эскадры. Нагасаки, 5 октября 1902 г., № 788.

под Новый год для больных устраивалась елка. В предновогодние дни всему персоналу лазарета, включая японскую прислугу, заведующий врач вручал праздничные «наградные».

Мирное течение госпитальной жизни порой омрачали потасовки отпущенных в город пациентов с другими иностранными моряками, стычки с владельцами окрестных питейных заведений и с такими же, как они, посетителями «веселых» домов. Если местные жители при этом терпели убытки, их возмещали из средств эскадры, а виновных моряков наказывали⁶³. Такие конфликты случались не часто, но всякий раз их в полиции «частным образом» приходилось улаживать консулу, который в глубине души проклинал пристрастие соотечественников к спиртному. Тихим манером алкоголем приторговывала и японская внутрилазаретная прислуга. «При слабости нашей команды к водке и при желании местного населения нажиться несколько продажей спиртных напитков подобных случаев трудно избежать»⁶⁴, – обреченно заметил тогда же флагманский врач эскадры. Редкие столкновения внутри самого лазарета стремились не предавать огласке⁶⁵, но, конечно, это были секреты Полишинеля. «Всему городу уже известно, что стреляли в доктора, – доносил князь Гагарин посланнику на следующий день после покушения на Элленбогена, – и японцы-поставщики уже приходили его поздравлять с избавлением от смерти». Приватно объясняться по поводу этого скандального случая консул был вынужден уже с губернатором⁶⁶.

Через полгода грянула русско-японская война. 24 января 1904 г. (или 6 февраля по новому стилю) министр иностранных дел Японии барон Дз. Комура пригласил в свою токийскую резиденцию посланника России барона Р. Р. Розена и, официально известив его о разрыве дипломатических отношений, посоветовал ему вместе со всем составом российской миссии и консульств тотчас покинуть Японию. Полу-

⁶³ В 1896 г., например, между консульством и штабом Тихоокеанской эскадры возникла переписка о возмещении японцам Мацумори Цюсабуро и Номура Отоджиро убытков в размере 11 долл. 90 центов. Четверо виновных русских военных моряков были понижены в звании и лишены добавочного содержания. – РГА ВМФ, ф. 650, оп. 1, д. 728, л. 10–10 об.

⁶⁴ Там же, ф. 408, оп. 1, д. 1083, л. 15 об.

⁶⁵ Самым громким таким событием стало неудавшееся покушение фельдшера С. Ф. Пушкина на жизнь лазаретного врача К. А. Элленбогена в июле 1903 г. Флагманский врач эскадры, который по приказу наместника на Дальнем Востоке расследовал это из ряда вон выходящее происшествие, хотя не обнаружил в госпитале серьезных беспорядков, главную причину инцидента усмотрел в том, что фельдшер допился до белой горячки. Пушкина под конвоем увезли во Владивосток, а на месте дело постарались замять. Благодаря заступничеству вице-адмирала Н. И. Скрыдлова, врач Элленбоген, допустивший пьянство лазаретного персонала, сумел сохранить свой пост. – См.: РГА ВМФ, ф. 408, оп. 1, д. 1083 – «О покушении фельдшером Пушкиным на жизнь доктора Элленбогена. 1903 г.».

⁶⁶ АВПРИ, ф. 150, оп. 493, д. 946, л. 107 об. – Донесение консула кн. А. А. Гагарина в Токио посланнику. Нагасаки, 4 июля 1903 г., № 458.

чив на следующий день повеление Николая II о безотлагательном выезде, Розен по телеграфу объявил его подчиненным, а консул в Нагасаки передал сообщение в лазарет. Сборы госпитального имущества и 35-ти находившихся в нем в тот момент пациентов не заняли много времени. Японская прислуга была срочно рассчитана, а закрытый лазарет, по уверению российских дипломатов, «на время военных действий поступил по соглашению с парижским кабинетом под защиту французского представителя в Токио»⁶⁷, как всем казалось, ненадолго. На месте приглядывать за оставленным в Нагасаки добром было поручено японскому сторожу из окрестных жителей. Русские же обитатели госпиталя вместе с консулом отправились в Иокогама. Поздним вечером 2(15) февраля 1904 г. французский пароход «Yarra» с полным составом русской миссии и нагасакского лазарета на борту покинул японские берега, взяв курс на Шанхай. История русского военно-морского госпиталя в Нагасаки покатила к закату.

В Петербурге о переезде лазарета в Шанхай стало известно из депеши французского посланника в Токио, и министр иностранных дел граф В. Н. Ламздорф, в свою очередь, проинформировал об этом своего морского коллегу. 8(21) февраля российский консул в Шанхае получил предписание «принять меры к размещению больных в госпиталях и к возвращению их в Россию по выздоровлении»⁶⁸. Но телеграмма из Петербурга уже не застала Элленбогена и его подопечных в Китае. Оставив в Шанхае пятерых тяжелобольных и вывезенное из Нагасаки казенное имущество на попечение своего фельдшера, еще 4(17) февраля он, по приказу заместителя, продолжил плавание на «Yarra» в компании с соотечественниками-дипломатами. По прибытии в Петербург недужные «нагасакцы» были помещены в столичный морской госпиталь, а Элленбоген определен на службу в Кронштадт⁶⁹. О судьбе больных, оставленных им в Шанхае, источники не сообщают.

Своих последних пациентов русский береговой лазарет в Нагасаки принял зимой 1905/1906 гг., став временным пристанищем для раненых и ослабленных солдат и матросов на пути домой. По решению японского правительства, Нагасаки был одним из трех японских портов, через которые по случаю окончания войны проследовали на родину 65 тыс. русских военнопленных. Тихоокеанская эскадра в войне была разгромлена и перестала существовать, а консул к осени 1905 г. в Нагасаки еще не появился. Поэтому заведовать здешней «временной санаторией» было поручено представителю российского Комиссара по

⁶⁷ АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 946. Л. 81.

⁶⁸ Там же, л. 80. – Телеграмма директора I-го департамента МИД Н. Г. Гартвига генеральному консулу в Шанхае К. В. Клейменову. С.–Петербург, 8(21) февраля 1904 г., № 97.

⁶⁹ РГА ВМФ, ф. 408, оп. 1, д. 1134 – «О возвращении личного состава и больных Нагасакского берегового лазарета. 1904–1905 гг.».

делам эвакуации пленных, и двум врачам – флотскому и «краснокрестному»; младший медицинский персонал, госпитальную мебель, медикаменты, инструменты и оборудование также на время предоставил российский Красный Крест. К началу следующей весны военнопленные были из Японии вывезены, за время их эвакуации через нагасакский госпиталь прошло около 80 больных. 17 апреля 1906 г. приказом морского министра лазарет был закрыт, в мае его оставшиеся пациенты переведены во Владивосток, персонал раскассирован по портам, а здания и инвентарь переданы под охрану русского консула – до лучших времен⁷⁰.

Хотя в апрельском приказе управляющего Морским министерством речь шла о «временной» ликвидации нагасакского лазарета, он уже больше не возродился. Несколько следующих лет консул в Нагасаки исправно вносил в японскую казну 187 иен за аренду земли под пустующими и неумолимо ветшавшими госпитальными постройками. В конце 1908 г., похоронив надежду на возрождение Тихоокеанской эскадры, Морское министерство окончательно отказалось от «помянутого участка» в Нагасаки, таким образом «отметив» полувековой юбилей здешнего лазарета. Предложение консульства оставить землю за собой Государственный контролер счел неоправданно обременительным для русской казны, и МИД перечить не стал. Спустя еще год, с санкции Петербурга, русский военно-морской атташе в Японии продал здания бывшего лазарета с аукциона на слом, а консул в Нагасаки вернул японскому правительству его, как мы помним, «навечно» арендованную землю⁷¹. В сегодняшнем Нагасаки от русского военно-морского госпиталя близ бывшего консульства уже не осталось и следа.

⁷⁰ РГА ВМФ, ф. 408, оп. 1, д. 1201, л. 57; АВПРИ, ф. 150, оп. 493, л. 946, л. 82.

⁷¹ АВПРИ, ф. 150, оп. 493, ф. 946, ф. 84–92 об. – Переписка I-го департамента МИД с послом в Токио, Морским министерством и морским агентом в Японии о строениях и участке бывшего морского лазарета в Нагасаки. 1909 г.